

Инсульт

Глава 1. Страдания

Это было давно и стоит ли вспоминать о той боли которую довелось перенести, о тех бедах, которые выбивают нас из обычной жизненной колеи, уводят с найденной тропки в бурелом, и ты карабкаешься там, пытаешься найти дорогу в привычном направлении, но не видишь ни зги. Порой слезы застилают глаза, дыхание перехватывает, хочется набрать полные легкие и крикнуть, чтобы перекричать рев бушующего в сердце страдания, но горло сжимает комок и из груди вырывается только предательский стон, делая тебя слабым и беспомощным. Кто не испытывал это, кого не обманывала судьба, с кем не играл злой рок? Р азве только младенец, недавно вырвавшийся на свободу из тесной своей обители, еще не успевший насладиться прелестью своего бытия, радостью новых ощущений и мировосприятием в первые мгновения своей, пока еще бессознательной жизни, не соприкасается с этим ужасным чувством, как боль, да и то частенько мы слышим его плач и крики, выражающие недовольство положением, оставленностью или испытывая появившееся чувство голода, он уже соприкасается с тем новым ощущением дискомфорта, заставляющего его безмерно страдать и наполняющего его мирок совсем неприятными ощущениями. Нужно быть мазохистом, чтобы получать наслаждение от боли, вновь и вновь повторяя ее для себя, наказывая себя и при этом испытывая некий кайф от выделяющегося в избытке адреналина.

Человек рожден на страдание, учит нас древняя мудрость, только вряд ли кого устраивают его собственные страдания. Гораздо интереснее читать о страданиях других, называя это драмой, сопереживать ему в многочисленных бедах, выражать свое сочувствие и переживание, совершенно не соприкасаясь самому с ужасной действительностью, убегая от трудностей жизни или зарывая свою голову в песок, подобно страусу, когда чужая беда требует от тебя непосредственного участия, понимая, что от соприкосновения с ней, ты также получишь свою долю непреодолимого дискомфорта, это вырвет тебя из радостного мировосприятия, испортит тебе "классное" настроение или еще хуже, самого затащит в воронку беспросветного страдания, не приносящего ничего приятного и полезного, кроме боли, разрушающей твой добрый имидж, превращая тебя в нытика или ожесточая твое сердце, делая его каменным, неспособным чувствовать чужую боль и сострадать. Именно по этой причине люди уклоняются от помощи вам, находящимся в беде, горе и одиночестве, в беспросветной мгле, становясь в ваших глазах падонками и предателями, бросившими вас один на один в темной комнате с ужасным монстром, имя которому страдание. Они как друзья Иова будут чувствовать себя комфортнее, сопереживая вам издали, находя смысл в ваших страданиях и поучая вас нравоучительным тоном, совсем не собираясь подставить вам плечо, чтобы вытащить вас из вонючей ямы в которую вы угодили, таким образом принимая часть ваших страданий на себя, вместе с вами получая долю грязи из ямы, из которой они вас вытащили и терпя бесчисленные убытки в пользу непонятно кого. Кто согласится на такие жертвы? А если кто и пойдет, то не факт что в

сердце вашем он станет героем, добровольным страдальцем и мучеником, пожертвовавшим своими благами ради снижения ваших страданий, а чаще всего мы воспринимаем такую помощь, как само собой разумеющееся, забывая даже поблагодарить подставившего плечо и взявшего на себя может быть значимую часть ваших страданий, потому что за естественное считаем, что случившееся с нами было совсем не заслуженно и все окружающие нас непременно должны принять участие в наших переживаниях и проблемах, выслушивая ваши многочисленные рассказы о плохом самочувствии и переносимых болях, отсутствии понимания и сострадания. Все это разрушает радостную жизнь, отравляет смысл существования и не приносит ничего полезного и приятного в нашу жизнь, кроме ненужных мучений.

Что может быть полезного в этих изнурительных днях, а порою и годах, превращающих ваше мучительное существование в басконечность. Многие, находящиеся в таком состоянии и услышав о вечной жизни, которую предлагает нам Господь, в ужасе шарахаются от нее, думая, что то что они переживают продлится вечность, не понимая, что Бог предлагает нам вечное блаженство и отсутствие страданий как таковых. Проходя очередную фазу страданий, человек даже представить себе не может, что когда-либо может наступить новая и уж тем более о смерти он и слышать ничего не хочет, боясь даже подумать в этом направлении, как будто его-то она уж точно не коснется. Стоит ли нам поднимать эту тему, на которую люди так упорно накладывают табу, а иные просто привыкают к страданиям, но и они также не находят в этом ничего положительного и чаще всего также не хотят упорно касаться этой темы или слушают о ней равнодушно. Можно быть равнодушным к чужому страданию, но никогда к своему! Вспоминая что они чувствовали в эти мгновения, люди вновь и вновь переживают ту гамму чувств, которая их тогда охватывала и иногда плачут, иногда смеются, но не говорят об этом равнодушно.

Именно эта причина побудила меня построить данное эссе на воспоминаниях собственного опыта и опыта тех людей, кого я очень близко знал, дабы использовать только те механизмы, которые действительно работают на практике и могут приносить нам добрый плод праведности и содействовать ко благу.

Глава 2. Инсульт.

Не могу сказать что до этого момента я не особо сталкивался со страданиями во всей их мощи, я скорее всего относился к тем людям, которые привыкают к ним и принимают их как неизбежное зло, но даже не думают извлечь из них что-то драгоценное. За моей спиной, кроме бесчисленных болезней и больниц, уже был перелом позвоночника в третьем классе, породивший впоследствии грыжу Шморля аж на двух сломанных позвонках сразу, в школе я разбился на лыжах, что привело к тяжелому сотресению мозга, а позднее и к страшным головным болям; я два раза обваривал кипятком большой участок тела - практически всю левую ногу и четыре с половиной часа просидел зимой под запором в помещении для скота, сильно наполненного дымом и отчаянно борясь за жизнь и за глоток свежего воздуха. Из армии я пришел с порванными связками и два года подряд претерпел операции на ноге, гипс, через несколько месяцев упражнения по разработке сустава, потом опять порванные связки,

хождение с постоянной болью, операция, гипс и все сначала. Стоит ли говорить о том, как от тяжелой болезни из-за грыжи в позвоночнике я опять оказывался на костылях или в инвалидном кресле, потому что ноги переставали работать и повисали как плети, а любое движение вызывало боль и порождало страх, который я вынес из детства, связанный с первой болью сломанного позвоночника. Он постоянно меня преследует до сих пор, когда я вновь переживаю в спине боль, так знакомую с детства, пророчества врачей, предсказывавших отказ ног и впоследствии неподвижность, как у Пашки Корчагина, героя книги "Как закалялась сталь". Ко всем этим бедам позже еще добавилась болезнь почек, когда в левой почке выросла опухоль. Поэтому, когда ко мне пришла беда, принося первый инсульт я уже был приготовлен жизнью к новым страданиям, хотя совсем был не в восторге с их наступлением. Интересным моментом в этой истории было то, что я тогда заканчивал учиться в своем первом богословском институте в Москве и должен был защищать диплом. Чувствовал себя скверно из-за переутомления физически и благословенно духовно, так как я был уже возрожденным свыше от Бога христианином и радостное настроение, независимо от состояния было моим привычным делом. Именно это приходит в жизнь любого человека, который истинной верою принимает Христа и отдает Ему свое сердце. Так вот самым интересным моментом в этой истории было то, что в тот день, когда случился со мной инсульт я перед приемной комиссией сдавал экзаменационную проповедь, всегда предшествующую защите диплома в богословских высших учебных заведениях, где учатся на пасторов церкви. И тема этой проповеди была как раз о той ценности страданий, которую даже истинные христиане порой не замечают, особенно когда находятся глубоко в них. "Я стоял у постели умирающей дочери"... - так я начал свою речь, видя как все слушатели застыли и глаза их были обращены ко мне. Говоря эту проповедь, я вновь переживал те чувства, которые охватывали меня, когда я находился в тех событиях, о которых вспоминал. Мои чувства через слова проповеди передавались залу и многие плакали, смахивая скромные мужские слезы, так невовремя навернувшиеся на глаза. Я говорил о том, что легко быть проповедником Бога, когда у тебя в жизни все хорошо складывается и дела идут успешно, мало забот и переживаний, с лица никогда не уходит улыбка, но как не парадоксально это, именно такое свидетельство о Боге для людей почему-то остается малоэффективным. Тебя слушают, с тобой часто даже соглашаются, но к Богу идти не торопятся. Но как важно, переживая беду и страдания, оставаться свидетелем Иисуса Христа, самому не падая духом и тогда, когда ты сам вроде бы нуждаешься в поддержке, оказывать ее самому тем, кто находится в таком же положении, как ты, а возможно даже, что твое положение по сравнению с другими, кому ты помогаешь, гораздо хуже, чем у них. Именно такое свидетельство подкреплено делами и обязательно принесет добрые плоды не через время, а непосредственно тогда, когда ты свидетельствуешь заботой о тех, кому свидетельствуешь, сам находясь в худшем еще состоянии.

К тому времени у меня был уже некоторый опыт, когда я сломал ребра над сердцем и мучился от переносимых страданий не только физически, но и духовно в окружении безбожных богохульных людей, которые окружали меня в больнице, где никто не хотел слушать о Боге, а только смеялись над Ним и надо мною заодно. Мне негде было уединиться для молитвы и я безмерно страдал от всего этого и взывал к Богу о помощи.

Именно тогда ответил он мне через страницы Священного Писания, также как когда-то говорил с пророком Иеремией, когда тот сидел в холодной сырой яме, брошенный туда теми, кому он свидетельствовал о Боге. Господь сказал тогда Иеремии на его вопли, а заодно и мне при прочтении этих строк: "Если ты обратишься, то Я восставлю тебя, и будешь предстоять пред лицом Моим; и если извлечешь драгоценное из ничтожного, то будешь как Мои уста. Они сами будут обращаться к тебе, а не ты будешь обращаться к ним". Тогда я четко осознал, что я должен научиться извлекать драгоценное из ничтожного. Один верующий в своей проповеди сказал, что когда в нашу жизнь приходит беда или страдание, не спеши вопиять к Богу - "За что!", возможно Бог особым образом приблизился к тебе, вошел в твое присутствие и хочет особо тебя использовать в данной ситуации, возможно, для чьего-то спасения. Бог Сам посетил тебя, снизошел до тебя и хочет воспользоваться тобою, как драгоценным сосудом. Все это я применил в своей проповеди и в заключение добавил, что важно нам доверять нашему Богу, но намного важнее, когда Бог доверяет нам!

Проповедь была комиссией оценена на отлично, кроме всего прочего подготовлена она была заранее по всем правилам гомилетики и риторики. Я торжествовал, хотя и сильно переволновался. Люди - то оценили хорошо, а вот Бог? А Бог всегда мои проповеди проверял на практике. Стоит мне сказать какое-либо назидание в проповеди, как сразу приходит проверка, испытание сказанного непосредственно в моей жизни. Так было и на этот раз.

Неделя выдалась тяжелая, да что неделя - месяц напряженного труда над диссертацией, когда работал по 14 - 16 часов без перерыва, потом поездка в Москву (поездки мне всегда давались тяжело), последняя преддипломная сессия и плюс на сессии последнюю неделю приходилось помогать студентам с дипломом: когда я сдал свой диплом, ректор института поднял его над головой и сказал, что это лучшая работа по всем правилам оформления и чтобы все студенты оформили так! Естественно, что все бросились ко мне за помощью у кого было неправильное оформление. Я установил компьютер в каждую комнату и по очереди приходил к братьям после всех занятий, то компьютер настроить нужно, то с оформлением помочь и спать ложился только в середине ночи. А рано утром уже подъем. В день инсульта, ко всему прочему я был еще дежурным по кухне, это означало, что после завтрака обеда и ужина нужно было перемыть посуду и прибраться, то есть то небольшое время, которое давалось на отдых у меня уходило на дежурство. Особенно после обеда так сильно хотелось прилечь, что не было силы терпеть, когда мыл посуду в голове так и стучало: лечь, лечь, лечь... Но как я мог оставить дежурить одного моего напарника. И собравшись с последними силами, я продолжал исполнять свой долг, разве мог я тогда предполагать, что самочувствие, которое я тогда испытывал было предтечей инсульта. Эти странные ощущения в будущем я испытаю еще не раз и все они будут предшествовать большим или малым инсультам...

Вечером мне позвонила жена, кроме обмена новостей она стала почему-то уговаривать меня остаться в Москве на обследование. Как-то на конгрессе я познакомил ее с московскими преподавателями, которые предложили тогда как-нибудь приехать в Москву и обследовать мое плохое здоровье. Они обещали помочь, но я в ответ отмалчивался, потому что за всю жизнь мне так надоели все эти больницы с их

лечениями и обследованиями, что начинать новый круг проблем совсем не хотелось. Жена же запомнила тот разговор и начала меня уговаривать воспользоваться предложением московских друзей, я начал, как всегда, отговариваться, что воспользуюсь предложением в следующий раз. Ссылаясь на плохое самочувствие, усталость, отсутствие лишних денег и желание поскорее вернуться домой. На что Вера сказала, угадывая мою истинную причину: "Ты просто не хочешь".

На этом разговор мы закончили и я отправился к себе в комнату отдыхать. Телефон стоял на кухне, сотовые телефоны к тому времени еще только набирали популярность и имели их совсем немногие.

Когда я шел по коридору, у меня вдруг отнялась левая рука. Усталость, бессонные ночи, волнения при защите проповеди и при разговоре с супругой сделали свое дело - процесс начался. Левая рука у меня уже отнималась в армии, был скачок высокого давления, из-за трения с офицером, спровоцировавший приступ стенокардии. Я подумал, что сейчас переживаю нечто подобное и сразу же сказал об этом ребятам с которыми проживал в комнате общежития. Вадим, с которым мы приехали в Москву с сургутского института (нас троих командировали защищаться в Москву, как претендентов на красные дипломы), сразу бросился вниз по этажам, чтобы принести мне нитроглицерин, так как мне сдавило сердце. С собой лекарства у меня не оказалось и ему пришлось сбегать к сторожу. Заодно он вызвал скорую помощь. Вадим принес две таблетки нитроглицерина, сбегал он на удивление быстро или время для меня тогда изменило свое течение, как бывает всегда при инсульте... Я пытался положить таблетку под язык, но у меня никак не получалось, тогда я еще не понял, что парализовало не только руку, но идет парализация всей левой стороны тела, включая и язык. Обе таблетки я нечаянно проглотил, из-за чего сердечную боль так и не смог снять. Гораздо позже, спустя несколько дней мне дадут все-таки нитроглицерин и я сниму сердечную боль, которая к тому времени превратится в настоящую сердечную муку. Но это будет потом, а сейчас я лежал на втором ярусе кровати в ожидании скорой помощи. Вокруг меня собрались ребята из института, сочувствуя, поддерживая и оказывая всякую помощь. Когда я почувствовал что левая нога тоже перестала работать, я вдруг сообразил, что медикам сложно будет проводить осмотр и попросил их переложить меня на первый ярус, так как самому мне было уже невозможно это сделать. Меня переложили вниз, где, кстати, раньше и было мое место, просто мне пришлось уступить его одному пожилому пастору, приехавшему к нам в роли душепопечителя в последний день занятий. Теперь все вернулось на старые позиции. Паралич поразил также и мою речь, мне уже сложно было говорить, левая часть лица онемела, щека как будто увеличилась вместе с левой частью верхней губы и занимали половину рта, от этого я их часто кусал при разговоре. Я даже и не подозревал тогда, что все что я в тот момент испытывал будет сопровождать меня всю оставшуюся жизнь и даже этот страшный шум в ушах, как будто рев падающего водопада, станет моим постоянным спутником. Несмотря на скованную речь и паралич лица, я начал шутить, как я обычно всегда в таких случаях делаю, чтобы разрядить обстановку и снять напряжение с окружающих. Стало действительно повеселее и только кто-то, покидая мою комнату, сказал: "Уже почти умирает, а все шутит". Я услышу потом еще не раз эти слова от других людей в самые страшные минуты своей жизни. Но как бы не было тяжело, добрая шутка или мудрое

назидание всегда помогают нам снять напряжение с сердца и посмотреть на жизнь совсем с другой стороны.

И вот наконец-то приехала скорая. В комнату вошла женщина в спецодежде, неся в руках чемоданчик. Начался осмотр. Вернее сказать даже больше не осмотр, а опрос. Врач начала меня спрашивать что я чувствую и я подробненько (также как тебе, дорогой читатель) все ей поведал. Она еще раз спросила меня, точно ли я это и это чувствую и потом сказала, что если бы у меня не было бы таких-то и таких-то симптомов она бы меня забрала, но теперь она вынуждена вызвать спецбригаду, которая занимается такими больными. Еще раз она заручилась тем, что я действительно себя чувствую так как я говорю и вышла, чтобы вызвать другую скорую. Приехала бригада мужиков в такой же спецодежде, как у женщины. Грубых, невоспитанных, пошлых. Они вошли в помещение с матами, не выпуская изо рта дымящихся сигарет и не удивительно было бы, если бы они оказались еще и подвыпившими. Сразу же матом выгнали и комнаты всех посторонних. Начали очень грубый опрос, недослушав до конца докторшу, унижая ее при мне и очень по'шло обзывая. Такими приемами пользуются, когда хотят показать свое превосходство, завоевать сразу позиции, чтобы потом диктовать свою волю. Я терпеть не мог таких выскочек и всегда осаждал их и в тот момент тоже, видя все происходящее, наполнился праведным гневом.

- Ты че пил? - Спросил их заводила.

- Почему вы так решили? - Парировал я.

- Дак че тебя insult-то разбил? Это обычно у алкашей бывает.

Потом он грубо перевернул меня и шлепнул мне какой-то укол прямо через одежду, как будто я сопротивлялся или была какая-то в таких безрассудных действиях вопиюще срочная необходимость.

- Что вы мне поставили? - Заволновался я.

- А тебе какая разница, мужик? - С грубой усмешкой парировал заводила, как будто приехал куда-то на зону успокаивать симулирующего зека, а не в приличное общественное заведение в центре Москвы.

- Я кажется задал вопрос, что вы мне поставили? - Я уже начал закипать. - Если спрашиваю, значит есть разница.

- Ну, эуфилин, а что? - Нехотя подчинился верзила.

- Кто ж так ставит эуфилин?! - Возмутился я. - Его же медленно вводить надо! Так все, вы свободны! Собирайтесь и уезжайте, никуда я с вами не поеду!

Р ебята из медицинской бригады растерялись, они явно не ожидали такого поворота дела. Но я был неумолим, тогда они заставили меня подписать бумагу, что я отказываюсь ехать в больницу и укатили. А я про себя подумал: "Поеду лучше домой, а там и подлечусь, наши врачи все-таки не такие хамы, как здесь".

Глава 3. Каменные сердца.

Обе скорые уехали. Какое-то время шли оживленные беседы среди братьев, обсуждавших произошедшее. Все жалели меня и осуждали грубую и наглую до беспредельности бригаду скорой помощи. Времени было уже достаточно много и вскорости все разошлись по комнатам, чтобы отправиться на покой. Наша комната тоже

легла спать. Я довольно быстро уснул. Но среди ночи я вдруг пробудился от страшного удушья. Как будто я находился в комнате, из которой совсем выпустили воздух. Мне было нечем дышать - я просто умирал от отсутствия свежего воздуха! Я еще тогда не знал, что я уже не смогу больше жить без притока свежего воздуха. После второго инсульта, я со своей семьей поднимусь на гору Машук и буду упиваться воздухом, насыщенным кислородом, буду жадно пить его, как пьют родниковую воду и не смогу напиться. Большую часть своей жизни я уже больше не смогу спать с закрытой форточкой...

Открыть в комнате окно я не решился, дабы не простудить братьев и решил пойти в туалет, чтобы там приоткрыть форточку. С кровати я поднялся с большим трудом. Тело было как будто не мое, двигалось плохо и моему внутреннему "я" совсем не подчинялось. Левая половина практически не работала. Мне пришлось прыгать на одной ноге, чтобы добраться до туалета. Никогда еще такой короткий путь не был таким тяжелым для меня. Я себя чувствовал маленьким неуклюжим слоном, разрезанным пополам, одна половина которого пытается пойти в туалет. Когда половина пути была преодолена - я уже хотел все оставить и вернуться в свою комнату, но жажда свежего воздуха победила мою усталость и, немного отдышавшись я продолжил свой непреодолимый путь. Когда я допрыгал до двери туалета, сил в рабочей ноге совсем не осталось... И все-таки из последних сил я допрыгал до форточки и попытался ее открыть. Это оказалось - не так-то просто: на самом деле это была даже не форточка, а маленькое окно, размером с форточку, к тому же оно было довольно высоко и из-за толстой кирпичной стены оно казалось для меня тяжелым непреодолимым препятствием. Сделав кучу безрезультатных попыток, я сел на пол передохнуть, сердце просто выскакивало из груди. В голове был страшный гудящий шум, заполнявший все и вся и еще более усиливающийся из-за окружающей тишины ночи. Виски сжимало невидимыми тисками, голова болела, как будто после сильного удара, силы кончались очень быстро. Никогда в жизни я не чувствовал себя таким беспомощным и слабым. Немного отдышавшись, я предпринял новую попытку открыть окно и напрягшись изо всех сил, наконец-то смог достигнуть ожидаемого результата. Когда окно было открыто, я в бессилии рухнул на пол и несколько часов сидел наслаждаясь свежим воздухом. Под утро я добрался до своей кровати и свалившись в нее, на некоторое время забылся зыбким сном.

Утром пришла доктор. Она вошла в комнату, кротко и нежно улыбаясь. Я попытался встать, но она мне категорически запретила. Сил во мне совсем не осталось и приказ врача "нельзя вставать" был для меня как никогда кстати. Она расспрашивала меня о самочувствии, нежно с любовью, подробно. По возрасту она годилась мне в матери и вела она себя со мною как любящая мать. Я еще никогда не встречался с такими обходительными врачами. Она расспросила и о событиях вечера и я все подробно ей рассказал. Я тогда еще не знал, что это наш христианский психолог и более того, спустя годы, когда я снова сяду за парту, чтобы получить второе высшее мы снова с ней встретимся, но не как врач с пациентом, а как студент с преподавателем.

Доктор меня так психологически обработала, что я согласился сдать на милость врачам и лечь в больницу, чтобы пролечить последствия инсульта. Больше со мной нигде не будут так обходиться врачи, а жаль - если бы у нас больше было таких

докторов, то половина из нас получала бы исцеление уже на приеме. После того, как я согласился на госпитализацию в клинику, мой психолог ушла и вызвала бригаду скорой помощи. На входе бригаду встретили, проводили сначала в кабинет председателя Российского Союза, где с ними побеседовали и только потом проводили в комнату где лежал я. Пришла также и наш врач психолог. Меня расспросили о моем самочувствии и потом сказали, что нужно ехать в больницу. Вещи у меня были уже собраны и я уже подготовленный без раздумий сразу же согласился.

Мне предоставили инвалидную коляску, но доехали мы на ней только до лестницы. Вот тут и начались проблемы. Медбратья меня на руках спускать отказались. Даже не знаю - зачем они тогда приехали целой бригадой? Сказали: "Давайте спускайте его своими силами". Я пожалел своих братьев - все были на экзаменах и со мной была только пара человек и решил справиться сам. Я встал с инвалидного кресла и, опираясь на одного молодого брата нерабочей рукой, другой рукой за перила, мы стали спускаться по лестнице с четвертого этажа. Я вам скажу, что после инсульта, да еще в зимней одежде это сделать было очень тяжело. Мы несколько раз отдыхали, мне не хватало воздуха, сердце бешено колотилось. В конце концов дистанция была преодолена. Меня посадили опять на коляску и загрузили в скорую помощь.

Когда мы приехали в больничный городок, меня выгрузили и оставили. Сказали, что за мною потом придут. Обращение опять стало грубым и циничным. Мне казалось, что меня окружали люди с каменными сердцами. Через некоторое время подошел какой-то мужик в очень поношенной одежде. Видимо подрабатывал доставкой больных до приемного покоя.

"Вас что ли на скорой привезли"? - Обратился он ко мне.

Я молча кивнул. Он взялся за инвалидное кресло сзади и повез меня в приемный покой. Когда мы были уже в грузовом лифте он начал у меня клянчить деньги. Денег в меня с собой не было и я ничем не мог помочь бедняге. Хотя мне почему-то не было его жалко. Я обратил внимание на то, что когда я находился в Москве, да еще вне стен церкви, мое сердце постепенно начинало становиться каменным. То же самое, только в меньшей степени, происходило со мною и в других городах. Как будто весь этот гибнущий мир распространял особый дурман каменного сердца. Только когда я был переполнен Божьей благодатью, я ощущал обратный процесс, как будто каменные сердца вокруг меня начинали плавиться и преображаться, когда я вступал с ними во взаимодействие. Сила Божьей благодати преображающе действовала на окружающий мир. Я был лишь сосуд, через который эта благодать изливалась. Мне даже посчастливилось много раз встречаться с теми людьми на кого Господь через меня изливал эту благодать и иногда эти люди были уже верующими или уже были готовы таковыми стать.

Мы прибыли в приемный покой и я стал ждать своей очереди. Надо сказать, что ждал я не один и все мы находились в одном большом помещении, где и происходил прием у всех на глазах.

продолжение следует...

*Алексей Кузнецов
April 05, 2013*

